

I. ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Лиляна Миятович, Александр Петрович, Джордже Джурич

Метаморфоза русско-сербских интеллектуальных связей

Каждое повествование о русско-сербских связях и отношениях неизбежно должно начинаться с напоминания о том, что русские и сербы — народы одного славянского корня. Народы, чей язык, обычаи, верования и культура происходят из одного источника. В результате практически двух тысячелетий обособленного развития каждый народ сформировал свою собственную культуру, но и в значительной степени сохранил общие черты в сферах коллективного и индивидуального сознания.

В средние века русское и сербское государства были созданы на основе византийской универсальной традиции и христианской религии в ее православной ветви. Литература и изобразительное искусство обоих славянских народов строилась по византийским образцам, а свою принадлежность к византийскому содружеству средневековые династии Рюриковичей и Неманичей обозначали браками с византийскими принцессами. И русские, и сербы внутри православия сохраняют многочисленные славянские народные верования и обычаи, существующие в «перелицованном» виде и по сей день.

Оба народа в конце средних веков пережили великие сокрушения, когда насильственно было приостановлено естественное развитие их государств, институтов и культур. Российское государство захватили монголы, а сербское — турки. Наступил период многовекового рабства, которое оставило глубокий след в обеих славянских культурах. В конечном счете, и монгольское, и турецкое ярмо было сброшено, началось возрождение национального государства, но народный дух и культура как русских, так и сербов хранит глубокие отпечатки культуры захватчиков. Уже бесчисленное количество раз прозвучало выражение «поскреби русского — найдешь татарина». Сербь в этом также

не оригинальны — практически в каждом из нас живет часть турецкого наследия.

Россияне, к своему счастью, смогли раньше воссоздать страну и в короткий срок превратили ее в мощное государство, в то время как сербы продолжали освободительную борьбу вплоть до начала XIX в. Единственная национальная институция сербов — Сербская православная церковь (которая, скорее, была хранителем государственной традиции и народной культуры, чем религиозным учреждением), установила тесные связи с российским государством и русской церковью. В XVIII в. сербская церковь начала процесс обновления сербской школьной системы при непосредственной помощи России; существенную роль в этом процессе сыграли Максим Суворов и Эммануил Козачинский.

В переломные годы сербской истории, в 1804 г., когда великий Карагеоргий Петрович начал восстание, превратившееся в национальную революцию за возрождение сербского государства, возникли политические отношения между сербскими восставшими и российским государством. Приведем высказывание протоиерея Матея Ненадовича, возглавлявшего сербскую делегацию в России в 1804 г. Отправившись в Россию искать помощи в восстании против турецкого владычества, Ненадович записывает в мемуарах: «Из народных песен мы слышали, что Россия существует, но где точно она находится, мы и не знали». Разве не странно искать помощи у кого-то, кто и находится-то неизвестно где? Такого можно ожидать только от самых близких родственников. Эта надежда сербов на помощь русских станет константой следующих двухсот лет сербской истории. Вторая константа, образовавшаяся во время упомянутого восстания и существующая по сей день, сформулирована следующим образом: Сербия вызывала недовольство Запада, как только вступала в более близкие отношения с Россией.

Нет таких народов, история отношений которых не знает непонимания и политических столкновений, примеры тому мы находим между сербскими и российскими политическими элитами. Возможно, самой яркой иллюстрацией послужат конфликты между Карагеоргием и русским дипломатическим представителем в Сербии К. К. Родофиникиным в начале XIX в. или между И. В. Сталиным и Иосипом Броз Тито в конце 1940-х гг. Тем не менее, такие политические столкновения уступали место длительному сотрудничеству, и, что еще важнее, они никогда не выходили за пределы политики, не влияли на мнение о российском или сербском народах и на межкультурные отношения между нами.

Русско-сербские отношения часто рассматриваются в политическом контексте, однако об интеллектуальном аспекте, в первую очередь научном, написано не так много исследований. Можно сказать, что такая работа находится в начале пути. Начнем с основной вехи, обозначающей суть русско-сербских отношений. Обратим внимание на случай, который в нашем представлении является парадигмой, а не эпизодом. Известно, что одним из главных героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» является Алексей Вронский. Но не столь известно, что этот персонаж родился в результате литературной транспозиции жизни полковника русской армии Николая Николаевича Раевского (3-го), потомка древнего аристократического рода, верного идее и ценностям русского исторического и культурного самосознания. Л. Н. Толстой не случайно помещает его в центр романа. Став добровольцем, Николай Раевский в 1876 г. приезжает в Сербию и присоединяется к сербской армии, стремящейся освободить свою страну от векового турецкого рабства. В то время Европа хладнокровно созерцала действия сербов и оставила их в одиночестве сражаться с турецкой армией, превосходящей и числом, и вооружением.

Там, где заканчивается история, начинается миф. В гиблые сербские окопы приезжают добровольцы из России, всего их около трех тысяч, в основном офицеры. Среди них выделяется генерал М. Г. Черняев, ставший впоследствии главнокомандующим сербской армии. Один из добровольцев — полковник Николай Николаевич Раевский (3-й). Подвиг его деда, генерала Николая Николаевича Раевского (1-го), в Бородинском сражении описал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». Его сыну, Николаю Николаевичу Раевскому (2-у), А. С. Пушкин посвятил стихотворение «Кавказский пленник». Бабушка Николая Николаевича Раевского (3-го) — Софья Алексеевна (в девичестве Константинова) — внучка М. В. Ломоносова. Возможно, благодаря таким родовым корням Раевский заканчивает физико-математический факультет Московского университета. Род Раевских как будто пребывает между литературой и историей, мифом и реальностью, поэзией и наукой. Пытаясь найти точку равновесия в самоопределении, Раевский все же выбирает ратный путь; отслужив в гвардейском полку и получив чин полковника, он отправляется в Сербию. Николай Раевский погиб в бою с турками 20 августа 1876 г. Но уже на следующий год он воскреснет как литературный герой Алексей Вронский в романе Л. Н. Толстого, а на месте его гибели, в местечке Адровац у г. Алексинац, усилиями Марии Раевской и сербской королевы Наталии Об-

ренович в 1902 г. будет построена церковь Святой Троицы, существующая и поныне. Важно отметить, что на стенах церкви изображены мотивы из истории обоих народов, вместе с Александром Невским мы видим святого Саву Сербского.

Таким образом Л. Н. Толстой через Николая Раевского и Алексея Вронского соединил русскую литературу и сербскую историю, перейдя границу, разделяющую вымысел и реальность. Он разместил центр русско-сербских интеллектуальных отношений там, где они всегда и находились — между легендой и реальностью. В некоторой степени это их естественное состояние. При всем стремлении русско-сербские отношения нельзя назвать полностью рациональными, ведь эмоции в этих отношениях, коллективное бессознательное, как бы определили психологи, всегда находили способ выражения, а перевес зачастую был на их стороне. Смерть Раевского в Сербии сделала его героем романа Толстого — в своем метафорическом существовании Вронский более всех достиг внутреннего соединения сербской и русской культур, воплощая их максимальное экзистенциальное соприкосновение, в котором пересекаются история, религия и искусство. Непросто будет найти другой пример, который может сравниться по глубине и силе связи.

Встреча сербской и русской культур не находит более сильного символа, чем личность Николая Раевского — Алексея Вронского. Искусство Толстого не осталось только на страницах книги, а превратилось в архетип прошлой и будущей жизни. В 1914 г., во время Первой мировой войны, принятие Россией стороны Сербии создало угрозу существованию страны. В итоге царская Россия исчезла, чтобы появился Союз Советских Социалистических Республик, как и не стало Сербии, вместо которой возникла Югославия.

На месте гибели Раевского построена церковь — так и после гибели царской России великой волной русской эмиграции в Сербии создается настоящий научный храм. Русские ученые и художники оказали значительное влияние на развитие сербской науки и культуры, своими трудами они создали в Сербии своего рода аналог церкви Святой Троицы под Алексинцем. Влияние идей и культурная близость находили все большее практическое выражение. Русские артисты основали балет в Белградском Народном театре, архитекторы создали проекты монументальных зданий в Белграде и во всей Сербии, около семидесяти русских ученых получили звание профессоров Белградского университета, причем девять из них стали членами Сербской

королевской академии наук и искусств. После Второй мировой войны членами Сербской академии наук и искусств становятся приехавшие в Сербию в 1920-х гг. семнадцатилетними эмигрантами Георгий Острогорский — основатель сербской византистики, и Константин Воронец — инженер-механик.

По окончании Второй мировой войны в изменчивом русле политических обстоятельств русско-сербские интеллектуальные связи находят продолжение, но, на сей раз, без той интенсивности, которую им придавали переломные исторические события прошлого. В середине 1950-х гг., когда конфликт с Информбюро был исчерпан, возобновились отношения между учреждениями СССР и СФРЮ, продолжилось сотрудничество в различных областях науки и обмен опытом ученых двух стран. В то же время современные Сербия и Россия не имеют договора о двустороннем научном сотрудничестве, и отношения в области науки скорее результат отдельных инициатив, а не систематически развивающегося процесса. Например, введя в поисковую систему Google фразу „Russian Serbian intellectual relations“, мы получим 0 страниц. Исходя из перспективы истории науки, мы имеем убедительные доказательства, что пришло время приступить к содержательному пониманию российско-сербских отношений, так как еще со времен Атанасия Стойковича и Огнеслава Костовича история науки — более чем увлекательное и плодотворное поле для исследований. Мы надеемся, что эта первая двусторонняя конференция в Санкт-Петербурге войдет в интеллектуальную историю как шаг в этом необходимом направлении.

Перевод с сербского М.В. Хартанович